

Инга Васильева, Анна Цветкова
(Калининград)

«КОНСЕРВАТИВНЫЙ СИМВОЛИЗМ» В ТЕОРИИ СНОВИДЕНИЙ ЭРИХА ФРОММА*

Дается анализ установок, актуальных, по Фромму, при толковании сновидений. В их центре находится понимание образа сновидения как символа, единого для области сновидений и для культуры в целом. Основной механизм образования подобных символов – культурно-ассоциативный, лежащий в сфере рационального мышления человека. С этих позиций образы сновидений и должны подвергаться толкованию.

Ключевые слова: психология, толкование сновидений, символ, культура, Фрейд, Фромм, бессознательное, психоанализ.

Теория сновидений и практика их толкования, разработанные Э. Фроммом, восходят к теоретическим и методологическим установкам З. Фрейда и К. Г. Юнга (хотя сам Э. Фромм выделял в этом плане психоанализ З. Фрейда). В частности, он принимал ключевые для всей глубинной психологии тезисы о содержательности человеческой психики и о наличии в ней неких глубинных скрытых областей, об особой их значимости для всей психической жизни человека, о возможности выведения психических со-

© Васильева И., Цветкова А., 2015

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Репрезентативный потенциал естественного языка как знаковой системы сновидений» №13-04-00029.

держаний на уровень сознательного осмысления, о сновидении как ключевом способе манифестации этих содержаний. Именно последним моментом определился особый интерес Э. Фромма к сновидениям. Он соглашался с тем, что, анализируя их, человек может заглянуть в душу сновидца, и ни в коем случае нельзя пренебрегать их толкованием — это важный путь общения человека с самим собой.

Однако в теории сновидений Э. Фромма прослеживается и целый ряд особенностей по сравнению с аналогичными теориями З. Фрейда и К.Г. Юнга. И первая из них касается понимания той части человеческой психики, которая определяется как глубинная, скрытая. Э. Фромм называл ее «подсознанием» и специально указывал на ее отличие от «бессознательного» З. Фрейда и К.Г. Юнга. «Это не юнговская мифическая область наследственного опыта расы, — писал он о бессознательном, — и не фрейдовское место пребывания иррациональных сил либидо» [3, с. 24]. По его мнению, это часть психики, свободная от влияний внешнего мира и имеющая «центростремительный» характер — воспринимающая собственные состояния. Ср.:

Сознание — это психическая деятельность в нашем состоянии занятости внешней реальности — действием. Бессознательное — это психическое переживание в том состоянии существования, в котором мы отключаем коммуникации с внешним миром и заняты уже не действием, а самопереживанием [3, с. 25].

Освобожденность человека от восприятий внешнего мира и довлеющего над ним груза контролирующего сознания приходит в состоянии сна. Именно во сне, по мнению Э. Фромма, раскрывается весь внутренний содержательный потенциал человека, о котором он обычно даже не догадывается. «В нашей жизни во сне мы как будто открываем громадный склад переживаний и памяти, о существовании которого не знаем в дневное время» [3, с. 9]. Тем не менее этот потенциал имеет в своей основе разумную деятельность человека, и, соответственно, этим потенциалом обусловлены его сновидения. «С точки зрения того факта, что нет выражения психической деятельности, которое не проявлялось бы во сне, — писал Э. Фромм в этой связи, — я убежден, что единственным описанием природы сновидений, которое не искажает и не сужает это явление, является следующее широкое определение, что сновидение — это имеющее смысл и знаменательное выражение любого вида психической деятельности в состоянии сна» [3, с. 22—23].

Все это составляет теоретическое обоснование и общую цель толкования сновидений. Благодаря ему обнаруживаются значимые для человека содержательные комплексы в глубинных семантических

структурах его психики — его бессознательного. Эти содержания могут быть как негативного, так и позитивного характера, но все они в совокупности воссоздают некий сокровенный «портрет» человека, открывающий ему собственные проблемные стороны и, наоборот, условия успешности. По этому поводу Э. Фромм писал так:

Некоторые из них верят, подобно Фрейдю, что все сны иррациональны по природе; другие, подобно Юнгу, считают, что все они — откровения более высокой мудрости. Но многие исследователи разделяют точку зрения, выраженную в книге (имеется в виду книга самого Э. Фромма «Забывтый язык». — И.В., А.Ц.), что в снах принимает участие и то и другое, и наша иррациональная и рациональная природа, и что целью искусства толкования сна является понимание того, когда наше лучшее я, а когда наша животная природа дают о себе знать в сновидении [3, с. 92].

Отмеченные теоретические позиции Э. Фромма в отношении сновидений имеют еще несколько особенностей. И прежде всего должно быть отмечено, что даже они, будучи почти полностью лишенными каких-либо мистических или религиозных подтекстов, не исключили признания пророческих сновидений. Более того, именно таким сновидениям Э. Фромм уделил в своей работе особое внимание, проанализировав историю отношения к ним. Однако «пророческими», то есть содержательно истинными, он, по сути, считал не только такие сновидения, в которых дается намек на события будущего или произошедшие в недоступных восприятию сновидца местах, но и сновидения, намекающие на обстоятельства его психологической жизни (обращенные к внутреннему пространству-времени человека). Иными словами, пророческие сны для Э. Фромма — это сновидения, имеющие под собой реальные содержательные основания объективного или субъективного (психологического) характера. А содержательными он считал практически все сновидения, находя опору и подтверждение этим установкам в том числе и в Талмуде. В нем прямо говорится: «Каждый сон имеет смысл, кроме того, который стимулирован постом» [3, с. 80].

Разведение этих двух подходов к толкованию снов — связанного с религиозными верованиями не-психологического, при котором сновидение рассматривается как некий знак реальных событий, и психологического, сопряженного со стремлением увидеть в сновидении отражение работы мозга самого спящего, — Э. Фромм считал условностью. «Эти два подхода отнюдь не всегда разделены», — писал он [3, с. 73]. При этом фактор, объединяющий указанные подходы, по его убеждению, — все та же рациональная деятельность человека. Даже

интуиция, или пронизательность, которую Э. Фромм не отвергает и видит в основе не-психологического толкования сновидений, он связывает с реальным опытом человека. Ср.:

Пронизательность тесно связана с предсказанием. Предсказывать — значит сделать заключение о будущем ходе событий на основании направления и интенсивности сил, видимых нами за работой в настоящем. Всякое основательное знание не о поверхностных, но о глубинно действующих силах будет способствовать верным предсказаниям, и всякое стоящее предсказание должно быть основано на таком знании. Нет чуда в том, что мы часто предсказываем свершения и события, которые потом становятся фактами. Вполне безотносительно к вопросу о телепатии многие сны, где сновидец предвидит будущие события, попадают в категорию рациональных предсказаний, как мы только что определили их [3, с. 30].

Таким образом, Э. Фромм рассматривал сны в качестве результата дневной рациональной деятельности человека, связанной с осмыслением событий окружающей действительности. И даже сама интуиция и факты интуитивных прозрений будущего, по его мнению, поддаются объяснению с рациональных позиций и тем самым возможны. Одновременно сны, по Э. Фромму, таинственны, все еще оставляют много неясного как для самих сновидцев, так и для исследователей. Он писал по этому поводу так: «один из наиболее загадочных феноменов нашей жизни, наши сны, не воспринимаются как чудо, вызывающее вопросы» [3, с. 8]. Почему так происходит? Любой ли человек столь нелюбопытен по отношению к своим снам? Все мы видим сны, но почему, не понимая их, «мы действуем так, как если бы ничего странного не происходило в наших умах во сне; странного, по крайней мере, по сравнению с логической целенаправленной деятельностью нашего ума, когда мы бодрствуем» [3, с. 8]? Наконец, возможно ли человеку понять свои сны и как это сделать?

Чтобы ответить на эти и близкие им вопросы, Э. Фромм стремился проникнуть в сущностную природу сновидений. И прежде всего, соглашаясь с А. Бергсоном в основном, он отметил, что сон — это иная форма психологического бытия человека: «Бергсоновский акцент на противопоставлении природы бодрствования и сна — это точка зрения, лежащая в основе моей собственной теории сновидений» [3, с. 91]. Но здесь же Э. Фромм определил и собственные позиции. «Различие, однако, в том, — писал он, — что Бергсон предполагает, что во сне просто не заинтересованы и что соматический стимулы — единственные интересующие нас факторы; тогда как я считаю, что мы как раз сильно заинтересованы в наших желаниях, опасениях и инсайтах, хотя и не в задаче управления реальностью» [3, с. 91 — 92].

Это инобытие человеческой психики, по убеждению Э. Фромма, обнаруживает себя посредством особого языка, единого для всей культурной деятельности человека, — языка символов. Характеризуя его, Э. Фромм писал, демонстрируя определенную близость позициям К.Г. Юнга:

Символический язык — это язык, в котором внутренние переживания, чувства и мысли выражены так, как если бы они были чувственными переживаниями, событиями внешнего мира. Это язык, логика которого отлична от логики условного языка, употребляемого нами днем, логика, где господствуют не категории пространства и времени, а глубина переживаний и ассоциация. Это единственный универсальный язык человеческой расы, когда-либо развитый, одинаковый для всех культур и на протяжении всей истории. Это язык со своей собственной грамматикой и синтаксисом, так сказать; язык, который необходимо понять, если хочешь понять смысл мифов, волшебных сказок и снов [3, с. 10].

В ряду отмеченных в данном отрывке базовых черт символов и символического языка (обращенность к внутреннему миру человека, иная логика, универсальность, своеобразные грамматика и синтаксис) все-таки должна быть указана еще одна черта, определяющая их глубинную природу. В плане знакового устройства они представляют собой иконические знаки, а в плане способа представления знаний — образы. Специально этот вопрос Э. Фромм не обсуждает, но имеющиеся формулировки проясняют его позицию по данному вопросу. С одной стороны, он утверждает, что сновидения близки мифам: «Тем не менее остается факт, что многие из наших снов как по форме, так и по содержанию, подобны мифам, и мы, которые находим их странными и далекими после пробуждения, обладаем способностью создавать этим мифоподобные произведения, когда мы спим» [3, с. 10]. Сны в этой картине эквивалентны мифам. С другой стороны, Э. Фромм прямо заявляет о том, что в разного рода мифологических текстах актуальные для них философские содержания задаются на образном уровне. Так, на образной основе представляются религиозно-мифологические идеи в некоторых фрагментах Библии — ср.:

В фигуре Евы мы видим женщину, превосходящую мужчину. Она берет на себя инициативу в поедании запретного плода. Она не советуется с Адамом, она просто дает ему плод, чтобы съесть, и он, отведав его, довольно неловок и неуместен в своих извинениях. И только после Падения было установлено его превосходство. Бог говорит Еве: «И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» [3, с. 144].

Аналогично, на основе образной семантики, Э. Фромм вскрывает глубинную идею сказки «Красная Шапочка», делая это абсолютно в духе З. Фрейда. Ср.:

Многие символы этой волшебной сказки могут быть поняты без затруднений. «Шапочка из красного бархата» — символ менструации. Маленькая девочка, о чьих приключениях собирается поведать сказка, стала зрелой женщиной и стоит теперь перед лицом сексуальной проблемы.

Предупреждение «не сходить с тропы» так же, как «не падать и не разбивать бутылку», ясно как предупреждение против опасности секса и потери девственности.

Волчий сексуальный аппетит возрастает при виде девушки, и он пытается соблазнить ее, предлагая ей «оглядеться вокруг и послушать, как сладко поют птички». Красная Шапочка поднимает глаза и, следуя волчьему совету, забирается «все глубже и глубже в лес». Она делает это с характерной долей рационализации: чтобы убедить себя в том, что тут нет ничего плохого, она приводит довод, что бабушка будет счастлива от цветов, которые она принесет ей [3, с. 147–148].

В целом, по прямому замечанию Э. Фромма, в образе безжалостного и коварного животного в этой сказке символически предстает мужчина, а акт каннибализма знаменует половой акт, в котором мужчина овладевает женщиной, как бы «пожирает» ее [3, с. 148].

Что касается «иной логики» символических текстов и собственно сновидений, то ее познавательные начала и законы Э. Фромм специально не анализировал. Он лишь подчеркивал, что как таковая логика не чужда снам, — она просто иная по сравнению с логикой обычного языкового мышления. «Психическая деятельность во время сна имеет логику, отличную от употребляемой в состоянии бодрствования. <...> Переживание сна не лишено логики, но оно подчинено другим логическим правилам, имеющим полную силу в этом особом переживаемом состоянии» [3, с. 24].

Имея в виду эту инаковость и системный характер логики сновидений, Э. Фромм утверждал существование особого языка символов и собственно языка сновидений. Его утверждение, включающее примерный анализ некоторых «лексем» (но без детального анализа грамматики этого языка), составляло основную цель книги с весьма симптоматичным названием — «Забывтый язык». Он, в частности, писал:

Если, как я попытаюсь показать на следующих страницах, символический язык является языком в его собственном смысле, по существу единственным универсальным языком человеческой расы из когда-либо развитых, значит проблема, действительно, скорее в понимании его, чем в толковании, как если бы речь шла об искусственно изготовленном секретном коде [3, с. 5].

Можно заметить, что понимание Э. Фроммом языка символов (и языка сновидений), представленное в этом фрагменте, обнаруживает идейную близость аналитической психологии К.Г. Юнга в части всеобщности архетипов и их особой образной природы (различия касаются лишь психологических истоков). Именно вследствие явной опоры на глубинную психологическую сферу человека одни и те же символы складываются в разных, порой весьма далеких друг от друга культурах, образуя некий кросскультурный символический код, они прослеживаются в самых разных семиотических текстах: мифах, ритуалах, религиозных построениях, драматических произведениях, художественных текстах, сновидениях. В силу этой глубинности символический язык не нуждается в особом изучении и может быть понят на основе чувственного переживания любым человеком. Обо всех этих его свойствах Э. Фромм писал:

...нет нужды учиться символическому языку и ограничивать его, считая существующим лишь у какой-то части человеческого рода. Очевидность этого обнаруживается в факте, что символический язык, как он употребляется в мифах и сновидениях, найден во всех культурах, и в так называемых примитивных, и в высокоразвитых культурах Египта и Греции. Более того, символы, используемые в этих различных культурах, поразительно схожи, так как все они возвращаются к базовым чувственным, равно как и эмоциональным, разделяемым людьми всех культур. Дополнительное доказательство найдено в современных экспериментах, в которых люди, не знавшие теории толкования сновидений, были способны под гипнозом толковать символизм своих снов без всяких затруднений. После выхода из состояния гипноза, когда их просили истолковать те же самые сны, они были озадачены и говорили: «Да ладно, они не имеют значения — это просто бессмыслица» [3, с. 18].

Согласившись с этими положениями, приходится признать и то, что сновидец внутренне подготовлен к пониманию содержания сновидения, которое приходит к нему. Более того, в символических образах сновидений человеку открываются знания, недоступные для него в состоянии бодрствования, активной сознательной деятельности. Он забывает язык символов, но в состоянии сна это знание вновь и вновь открывается ему.

Какие же образы, по мнению Э. Фромма, составляют единицы постулируемого им универсального «словаря символов», актуального и при раскрытии содержания сновидений? К числу таковых он относит *огонь и воду, гору, дорогу, палку, яму, тюрьму, дверь* и др.; символический характер имеют во сне также предикатные символы — такие как *пере-*

движение в пространстве или действия с теми или иными предметами. При этом значимыми оказываются общие контекстные условия подобных передвижений или действий. Так, *восхождение на гору* в одном случае означает «честолюбивое стремление», в другом — «успешную карьеру», в третьем — «свободу»; *палка*, в зависимости от дневного психологического состояния сновидца, его желаний, может пониматься и как фаллический символ, и как символ наказания. Таким путем Э. Фромм утверждал мысль о полисемии символов сновидений, зависимости их семантики от содержательных пресуппозиций, определяемых психологическими переживаниями и установками в состоянии бодрствования.

Другое важное наблюдение Э. Фромма касается наличия у языка символов своеобразных диалектов. Речь в данном случае идет не о психологической, а о культурной обусловленности содержания одного и того же символического образа в разных традициях. Объясняя это положение, Э. Фромм писал:

Например, функция, отсюда значение, солнца различны в северных и тропических странах. В северных странах, где вода в изобилии, все растущее зависит от достаточного солнечного света. Солнце — это теплая, дающая жизнь, защищающая, любящая сила. На Ближнем Востоке, где тепло солнца гораздо более мощно, солнце — опасная и даже грозная сила, от которой человек должен защищаться, а вода ощущается как источник всей жизни и главное условие для роста. Мы можем говорить о диалектах универсального символического языка, детерминированных этой разницей в природных условиях, заставляющих определенные символы иметь различное значение в разных регионах земли [3, с. 18].

Таким образом, в своей теории Э. Фромм активно развивает положение об исключительно образной природе языка сновидений, противоположной природе концептуальности, но вместе с тем утверждает ряд особенностей этого языка, сближающих его с естественным. В частности, язык сновидений, по Э. Фромму, имеет свой словарь и грамматику; единицы словаря сновидений составляют отдельные символы. Как и слова естественного языка, символы сновидений полисемичны: по-разному раскрывают свою семантику в зависимости от условий психологического бытия сновидца. Как и естественные языки, символические системы сновидений имеют «диалектные разновидности», обусловленные спецификой культуры, которой принадлежит сновидец.

Однако символический язык снов имеет и некоторые важные собственные характеристики. Так, абсолютно все сновидения, по мнению Э. Фромма, содержательны и принципиально нуждаются в понима-

нии со стороны сновидца. Все они по-своему пророческие: в одних случаях раскрывают субъективную психологическую реальность сновидца, находящуюся вне реального пространства и времени, в других — связываются с интуицией сновидца и раскрывают объективную реальность будущего или иных пространств. Символы сновидений составляют язык глубинных, неосознанных содержаний человеческой психики, естественный же язык обслуживает область сознания. Сновидения имеют природу конкретных образов — естественный язык оперирует, прежде всего, абстрактными концептуальными содержаниями. Но главное, естественный язык, также символический по своей природе, специально изучается человеком, в то время как язык сновидений внутренне понятен сновидцу, сам раскрывает свое содержание, и не нуждается в специальном изучении.

Именно поэтому понимание символического языка сновидений, постижение его истинных содержаний, по мнению Э. Фромма, лежит вне рациональной сферы человека, исключает контроль со стороны его сознания — то есть является, по сути, искусством:

Понимание языка сновидений — это искусство и, подобно другим искусствам, требует знания, таланта, практики и терпения. Талант, усилия практиковать то, что мы изучили, и терпение нельзя приобрести путем чтения книг. Но знания необходимы, чтобы передать понимание языка сновидений... [3, с. 94].

Тем не менее рациональная сфера организует это искусство, ведет его, обеспечивает эффективность развиваемых тактик понимания снов. В связи с этим Э. Фромм сформулировал ряд вопросов, на которые человек (как сновидец, так и внешний толкователь) должен найти ответы и тем самым приблизиться к пониманию истинной семантики сновидения. Ср.:

...одной из наиболее значительных и часто наиболее трудных проблем в толковании является распознавание того, является ли сон выражением иррационального желания и его осуществления, обычного страха или тревоги, или же он представляет инсайт во внутренние и внешние силы и обстоятельства. Следует ли понимать данный сон как голос нашего низшего или нашего высшего я? Как нам найти, в каком ключе понимать сновидение? [3, с. 94].

Реализуя эти установки и опираясь на сформулированные положения теории сновидений, Э. Фромм разработал алгоритм раскрытия их семантики. Этот процесс осуществляется в четыре этапа.

1. Предварительное рассмотрение сновидения.
 2. Анализ психологических «пресуппозиций» сновидца: его беспокойств, ближайших и давних психологических травм, желаний, интересов и т. д.
 3. Поиск связи между образами конкретного сна и психологическими состояниями сновидца.
 4. На основе символов сновидений определение «узловых» мест в общей картине психологической жизни сновидца.
- Один из примеров, демонстрирующих раскрытие семантики сновидения на основе этого алгоритма, таков:

Я срываю яблоко, проходя чрез фруктовый сад. Прибегает большая собака и прыгает на меня; я ужасно испуган и просыпаюсь, вопя о помощи.

Все, что необходимо, чтобы понять этот сон, это знание, что сновидец в вечер перед сном встречался с замужней женщиной, в которой он находил большую привлекательность. Ему показалось, что она смотрела на него ободряюще, и он улегся спать с фантазией иметь с ней любовную связь. Нужды нет нам касаться здесь того, была ли тревога, испытанная им во сне, подсказана совестью или страхом общественного мнения — остается существенным факт, что тревога является результатом удовлетворения его желания — съесть краденое яблоко [3, с. 116].

Данный этому сновидению комментарий Э. Фромма может быть дополнен, что обнаруживает новые детали в психологическом состоянии пациента. В частности, ключевую роль здесь играет *сорванное яблоко*. Этот символ имеет два толкования, и каждое из них значимо в содержании сновидения в целом. С одной стороны, яблоко — символ сексуального блаженства. По замечанию Д. Тресиддера, этот его символизм, возможно, связан с тем, что сердцевина яблока в продольном разрезе напоминает вульву [2]. Одновременно яблоко может рассматриваться в данных условиях как символ греховности. В Ветхом Завете об этом не говорится прямо, но согласно существующей традиции именно яблоко было плодом соращения Евы и Адама [1, с. 394]. Ср.:

И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,
только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

И сказал змей жене: нет, не умрете,
но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая (Быт. 3: 2–8).

Таким образом, данное сновидение символически указывает, что тревога пациента обусловлена не столько его нравственными установками, способностью слышать голос совести или страхом перед общественным мнением. Ее истоки лежат скорее в сфере эроса и одновременно религиозной боязни греха, а «обещающее поведение» встретившейся накануне женщины, отчетливо соотносящее ее с библейским образом Евы, подтверждает это заключение.

Список литературы

1. Кунер Дж. Энциклопедия символов. М., 1995.
2. Д. Тресиддер. Словарь символов. М., 1999.
3. Фромм Э. Забытый язык. Ангарск, 1994.

Inga Vasilyeva
Anna Tsvetkova

CONSERVATIVE SYMBOLISM' IN ERICH FROMM'S THEORY OF DREAMS

This article analyses attitudes relevant to dream interpretation according to Fromm. The central element is understanding the image of a dream as a symbol common to both the realm of dreams and culture in general. The key mechanism of symbol formation is cultural-associative, which is a function of human rational thinking. It is suggested that images of dreams should be interpreted from this perspective.

Key words: *psychology, dream interpretation, symbolism, culture, Freud, Fromm, unconscious, psychoanalysis.*